

высший свет, элита современного общества (о представителях властных структур, предпринимательских кругов, известных деятелях культуры, крупных политиках и т.п.)» [6; 8]. В речи в большинстве случаев слово *бомонд* используется по отношению к деятелям культуры и шоу-бизнеса (то есть *бомонд* понимается как собирательное обозначение «звёзд» и «селебрити»), хотя в некоторых контекстах существительное *бомонд* используется как синоним слова *истеблишмент*, то есть по отношению к политикам и финансистам. Ср.: *Чем интересны курорты любителям зимнего отдыха?.. Можно весело провести время в среде (или покрутиться возле) киношного, бизнесового и политического бомонда, который, отвлекаясь от повседневных дел на пару недель, появляется в горах, как правило, с конца января по середину марта* (<http://nederland.ru/se/news/index.php?action=show&nid=1405>).

Однако кроме «звёзд», селебрити, элиты, истеблишмента и бомонда существуют и качественно иные разряды публичных людей. Наиболее привлекательным социальным ориентиром является сейчас принадлежность к так называемому *среднему классу*. Ср.: «Средним классом называют социальную прослойку общества, которая имеет достаточно средств для поддержания жизни» [7]. Сразу оговоримся, что сама по себе принадлежность к среднему классу не предполагает обязательной публичности, однако в наше время многие успешные (известные благодаря своей успешности) люди являются представителями среднего класса. Ср.: *Средний класс – это люди, которые сумели успешно адаптироваться к новой социальной реальности, справедливо гордятся этим и в массе своей, в отличие от слоёв ниже среднего, чувствуют себя хозяевами своей судьбы* (РФ сегодня, 2004, № 17).

Представитель среднего класса – это в наши дни «по умолчанию» *успешный человек*. Весьма точное определение успешного человека в современном понимании даёт в своём интервью журналу «Крупный план» (2006, №6) бизнес-тренер Радислав Гандапас: *Успех – это и ответственность, и ответственность. Заметьте, «успех» и «успеваю» – соседствуют... Критериев успеха три. Критерий первый, самый осязаемый и понятный, – это деньги... второй критерий – это социальный статус... Но... есть и менее «понятная» категория. Это счастье, то есть внутреннее ощущение человека* (<http://www.radislavgandapas.com/harizmatiki/>).

Таким образом, в современной речи присутствует несколько языковых единиц, обозначающих публичных людей. Каждая из этих единиц имеет свою семантическую специфику, обозначая конкретную категорию публичных людей (политиков, бизнесменов, представителей шоу-бизнеса). У многих из этих слов отмечается сдвиг сочетаемости, вызванный переосмыслением их значения на рубеже XX – XXI веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинина Л.В. О понятии «публичный человек». Смена оценочности слова «публичный» применительно к человеку. Публичный человек рубежа XX– XXI веков // Чернова С.В., Калинина Л.В., Наумова Н.Г., Петрусь Т.В. Интерпретация образа человека. Образ публичных людей г. Кирова. Монография / науч. ред. С. В. Чернова. Киров, 2012. С. 33–59.
2. Коваль В.И. Фразеологизмы публичная женщина и публичный мужчина: история и современность // Фразеология, познание и культура: сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. Т. 1. Фразеология и познание. С. 181–185.
3. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005.
5. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: 1935–1940.
6. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Скляревской. М., 2001.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. М., 2003.
8. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скляревской. М., 2007.
9. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008.

В.Н. КАЛИНОВСКАЯ, О.А. СТАРОВОЙТОВА
(Санкт-Петербург, Россия)

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ В «СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА»*

Аннотация. Новаторский характер «Словаря русского языка XIX века» предполагает выработку определенных критериев не только презентации различных видов сочетаемости в пределах словарной статьи, но и сам отбор материала для включения в словарь.

Summary. The innovative character of the Dictionary of the 19th Century Russian assumes not only the elaboration of measures for presenting the different types of word combinability in a vocabulary entry but also the selection of data for introducing into the mentioned dictionary.

Объект описания в «Словаре русского языка XIX века» — лексика в употреблении, что определяет как структурные особенности, так и специфику семантического и функционально-стилистического описания языковых единиц. В словаре дифференциального типа (в отличие от словаря-тезауруса) модель употребления, предполагающая изменения во времени, пространстве и обществе и способная наилучшим образом отразить ход эволюции, является единственно возможной.

Эволюция предполагает учет движущих и обуславливающих ее факторов, относящихся к историко-культурному и историко-социальному фону. Одним из наиболее важных и существенных показателей динамики словоупотребления, реализации семантических потенциалов слова является его сочетаемость. Традиция описания сочетаемости в словарях имеет длительную историю [1].

Для диахронии одинаково важны лексические сочетания разной степени устойчивости (свободные и несвободные), поскольку значима

не сама по себе новая единица, а ряды сочетаний, складывающиеся из типов, что оказывается возможным при наличии общей коммуникативной установки (культурного кода).

Только на фоне такой зависимости употребление конкретного слова приобретает значимый характер. Лексические связи слова — указатель норм словоупотребления и дополнительное средство его стилистической характеристики. Разработчиками исторического «Словаря русского языка XVIII века» замечено, что сопоставление типов употребления слов (при общности значений) резко противопоставляет и обособляет язык этого периода другим периодам в истории русского языка [3: 11], очевидно, что данное наблюдение в еще большей степени может касаться XIX века.

Многие словосочетания устойчивого характера, зафиксированные в письменных текстах, являя собой речения, характеризуют узус конкретного общества в конкретный отрезок времени. На данном уровне заметнее и ярче проявляется динамический аспект языка, то есть аспект его употребления: правила выбора языковых средств и их организации в тексте. Наблюдения над типами лексической сочетаемости, представленные в нашем словаре, подтверждают ценность рассуждений Л.В. Щербы о том, что единицей речи является не слово, а более сложный по структуре семантический комплекс, например, словосочетание или синтагма [5].

В новом разрабатываемом словаре XIX века типичная сочетаемость, представляющая значительный коммуникативный интерес, всегда сопровождается примером, иллюстрирующим употребление слова в контексте. Так, «Словарь русского языка XVIII века» отмечает вхождение в лексическую систему русского языка новой единицы, например, имени существительного *акул* (*аккула*) [4: 38] или *бал* и его производного *бальный* [4: 130]. Словарная статья в данном словаре часто фиксирует лишь начальный этап заимствования: появление и формальную адаптацию слова к системе русского языка. Вся «тяжесть» процессов семантического развития приходится на XIX век, что с неизбежностью находит отражение в принципах построения словарной статьи в новом словаре.

В первую очередь, представляется наиболее типичная для XIX века сочетаемость слова в его прямом значении. Это могут быть довольно пространственные ряды свободных сочетаний. Например: *Злая, жадная, ненасытная, прожорливая, хищная... акула. Кто знает также, быть может, вовсе не лень и не любовь к комфорту влекут рыбу на дно морской пучины; она ищет там спасения от лютого врага, от хищной акулы...* (С. 138. Д. Григорович. Очерки современных нравов. Русский вестник. Т. 40. 1862).

Русский литературный текст XIX века обнаруживает чрезвычайно широкую сочетаемость прилагательного *бальный* (в языке XVIII века она ограничивалась сочетаниями типа *бальная музыка*). Указанная черта наиболее ярко проявляется в сочинениях первой трети XIX века, свидетельствуя тот факт, что «бальная жизнь», «бальная сторона (жизни)» являлись существенной и значимой ее частью, культурным феноменом (*бальное право, бальный устав, бальная иерархия, бальные связи, бальные термины* и т. п.). Динамика лексической сочетаемости прилагательного характеризует тенденцию развития его семантики в направлении качественного значения (*цвет* <ткани>.. *настоящий бальный или театральный*), атрибутивная функция слова тяготеет к эпитету. Прилагательное обозначает характеризующий признак обязательных аксессуаров бала, список которых прибавляется номинациями лексико-семантического поля «человек». Сочетаемость данного прилагательного отражает актуальность социокультурного компонента в семантике слова: *Бальный человек, герой.. законодатель, диктатор; б. друг, кавалер .. сослуживец, знакомый; б. денди, педант; б. толпа; б. мир. Бальный шум; б. разговор (разговоры).. шепот, лепет; б. сумятица, суета; б. мечты, впечатления, тайны .. связи. Б. воздух (атмосфера), чад; б. блеск, б. пыль* (у Б.-Марлинского).

За знаком \diamond даются терминологизированные сочетания. Например: \diamond *Белая, береговая, голубая, глубоководная... акула. За три дня до прибытия в Барбадос, случилась тишь, и тут мы в первый раз увидели страшную белую акулу Атлантического Океана. Акулы бывают различных родов, но самая опасная из них, большая белая акулы и зеленая* (С. 243. Москвитянин. Т. VI. №21. Кн. 1. 1854).

Таким же образом выделяются сочетания описательного (перифрастического) характера: \diamond *Бальная принадлежность. Об обязательной детали бального костюма, наряда — перчатках.* \diamond *Бальное дело. Перифр. О бальной деятельности (танцах, светской беседе и т. п.).*

Одна из важнейших тенденций семантического развития лексики русского языка состоит в метафоризации значения и закреплении переносного значения в употреблении, например, фразеологически связанного значения *'Неодобр. О ростовщиках, крупных дельцах, монополистах бизнеса'* у слова *акула*. Модель употребления позволяет отразить в словаре этапы метафоризации. При новом значении также выявляется и фиксируется сочетаемость лексем. Так, отдельной позицией выносятся употребление слова в составе сравнительной конструкции: / В сравн. *Лишь только мы выехали за город, два ялика, как хищные акулы, прямо устремились к нам на встречу* (С. 122. Опасность в чужой беде. Сочинения Фаддея Булгарина. Т. 1. 1827).

Антропоцентричность образных употреблений зоонимов становится характерной чертой художественного и публицистического текста XIX века, круг таких слов пополняется за счет неологизмов. Развитие оце-

ночного социокультурного компонента в семантике слова может быть проиллюстрировано строкой свободных сочетаний: **Гнусная, хищная а.** – *По опыту, так как я сам служил, я знаю, / что кто же не поверит офицеру, но в то же время, доверяя ему, эти гнусные акулы <держатели векселей> в конце концов проглатывают свою жертву полностью и только редким из имевших с ними дело удается отделаться потерей какой-нибудь части, большинство же, особенно в настоящее время, погибают окончательно* (С. 469–470. С.Н. Терпигорев. Предопределение или борьба Куциных с апельсинщиком. Собрание сочинений. Т. 5. СПб., 1899).

Иллюстрацией непрерывности указанного деривационного процесса является следующее употребление (о человеке): \diamond **Жаднее акулы** [2: 8].

Примером развития свободных сочетаний на базе нового значения существительного акула могут служить сочетания с относительными прилагательными, которые также приводятся в словаре на соответствующем месте: **Аграрная, береговая, биржевая, земляная... акула:** *Эти земляные акулы, обыкновенно, заранее скупали зараз большия пространства и выжидали, пока поток переселения не устремится в их страны* (С. 136. Отечественные записки, № 9 сентябрь 1877).

Подобная сочетаемость ведет к развитию в дальнейшем сочетания с большей степенью абстрактности: \diamond **Акула капитализма.** *И в то время, как все мы ... пытаемся пристать к спасительному, но далекому берегу, а вокруг нас снуют гигантския чудища, — и левиафан братоубийственной войны, и алчная акула капитализма, — певец зовет нас на свой фантастический остров* (С. 41. Н.С. Русанов. Социалисты Запада и России. 1908).

Выделение и фиксация разных типов сочетаний лексем позволяет рассматривать исторический словарь как текст, в котором прочитывается культурно-исторический контекст и намечается лексико-фразеологический инвентарь функциональных стилей русского литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влавацкая М.В. Традиция описания сочетаемости слов в словарях русского языка (XVIII–XX вв.) [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/20.html (дата обращения: 23.12.2012).
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1 (А–З). М. 1863.
3. Кутина Л.Л. Лексическая сочетаемость в историческом словаре и ее роль в описании семантики и словоупотребления // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Вып. 4. М., 1975. С. 9–12.
4. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. Л.: Наука, 1984. 224 с.
5. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 319–338.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №11-04-0056а «Формирование дифференциального словника «Словаря русского языка XIX в.».

Т.В. КАЛУГИНА (Киев, Украина)

ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНАЯ ФОРМА В СИСТЕМЕ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЯЗЫКОВОЙ СМЫСЛ «ПРОСТРАНСТВО»

Аннотация. В статье предложно-падежные формы рассматриваются как ономаσιологические единицы, используемые в номинации при выражении языкового смысла «пространство».

Summary. In the article prepositional-case forms are considered as onomasiological units used in the nomination for the expression of linguistic meaning of "space."

В последние десятилетия возобновился интерес к ономаσιологическим исследованиям в связи с тем, что они имеют прямое отношение к речевой деятельности. Грамматические описания, которые на «входе» имеют смыслы, а на «выходе» – формы, В.С. Храковский в противоположность описаниям, моделирующим речевую деятельность слушающего, связывает с речевой деятельностью говорящего и считает, что описание «от смысла к форме» является первостепенным по отношению к описанию от «формы к смыслу», поскольку кодирование говорящим предшествует декодированию слушающим смыслового содержания [1: 19].

Основы теории языковых смыслов заложены в работах Н.Ю. Шведовой – «Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий» [2], и в соавторстве с А.С. Белоусовой – «Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства» [3]. Н.Ю. Шведова определяет языковой смысл как самое общее понятие, означенное местоименным исходом и его сегментами, в границах создаваемого им пространства материализующееся посредством семантических языковых множеств, по самой своей природе обращенных к этому пространству [3: 49].

Проф. Е.Н. Сидоренко в монографии «Языковые смыслы и ономаσιологические средства их выражения» [4] предложила теорию языковых смыслов, описывающую расчлененные и нерасчлененные единицы наименования, ввела термины «ономаσιологический ряд», «категориальное значение языкового смысла» и другие.

Несмотря на то, что теория языковых смыслов возникла сравнительно недавно, она занимает важное место в онтологии, что подтверждается давностью рассмотрения вопроса о языковых категориях.

В логике, философии, физике представлена категория пространства, которую Л.В. Бортэ определяет следующим образом: «Пространство обозначает расположение объекта, характеризуемое структурой (место, направление, порядок) или протяженностью (рассто-